

**«Черкесы русской национальности»: особенности  
военного комплекса линейного казачества Кубани //**

Русская культура как системообразующий фактор  
межнационального взаимодействия на Северном Кавказе: сборник  
научных трудов. - М.: Институт Наследия, 2017. - С.204-214.

Константин Викторович Скиба

г. Армавир

к.и.н.

kv-220-85@mail.ru

Konstantin V. Skiba

Armavir city

Ph. D. in History

kv-220-85@mail.ru

Данная статья посвящена вопросу уровня и степени воздействия «боевого комплекса черкесов» на военный и повседневный быт линейных казаков Кубани.

Ключевые слова: линейные казаки, черкесы, мундир, вооружение, Северный Кавказ, Кубань.

This article is studying the level and the degree of influence of "the Circassian military complex" on the Cuban linear Cossacks' wartime and everyday life.

Keywords: linear Cossacks, Circassians, coat/uniform, arming, North Caucasus, the Cuban.

«Одним словом, линейец был тот же черкес, но только русской национальности» – фраза, впервые использованная в главе «Особенности пограничной службы линейцев и линейные пластуны» из книги «Кубанское казачье войско. 1696-1888 гг.», изданной в 1888 году и принадлежавшей перу двух кубанских историков – Ф.А. Щербины и Е.Д. Фелицына [19, с.132].

Степени тому, насколько сильно «очеркесились» линейные казаки Кубани в своем военном быту, и будет посвящена наша статья.

Для начала, в связи с термином «черкес русской национальности», будет совершенно уместно привести несколько высказываний:

– писатель и поэт, «поручик Тенгинского пехотного полка» М. Ю. Лермонтов: «Меня невольно поразила способность русского человека

применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает неимоверную его гибкость и присутствие...ясного здравого смысла» [10, с.223].

– военный историк, участник Кавказской войны, генерал Р. А. Фадеев: «Русский человек не смотрит на Азиатца свысока, не презирает его как западный европеец; он с ним настолько сжился, чтобы видеть в нем человека.

Русское население, возникающее в покоренном крае Азии, становится сейчас же в самые близкие отношения к туземцам...» [16, с.271].

– германский канцлер Отто фон Бисмарк: «Англичане ведут себя в Азии менее цивилизованно чем русские; они слишком презрительно относятся к коренному населению и держатся на расстоянии от него...Русские же, напротив, привлекают к себе народы, которые они включают в империю, знакомятся с их жизнью и сливаются с ними» [11, с.56].

– «наш великий соотечественник Ф. М. Достоевский» отмечал, «что если у французов есть гордость, любовь к изяществу, у испанцев – ревность, у англичан – честность и дотошность, у немцев – аккуратность, то у русских есть умение понимать и принимать все другие народы» [5].

Таким образом, для понимания «черкесскости» линейных казаков, стоит учитывать такие важные черты национального характера и поведения русского человека, как отсутствие обособленного и высокомерного отношения к «туземцам»; способность приспосабливаться к обычаям народов, рядом с которыми ему приходится жить; терпимость и интерес к религии, нравам и обычаям других народов.

Следует сказать, что еще в дореволюционной историографии тема «кавказского влияния» на военный быт российского порубежного населения Северного Кавказа была достаточно востребована и отработана.

Существуют десятки, если не сотни свидетельств участников и современников Кавказской войны о том, как линейные казаки полностью

переняли у горцев их тактику, оружие, седловку и посадку при верховой езде и, наконец, одежду.

Именно с описания казачьей одежды и оружия, «удивительно похожих на экипировку горцев» [7, с.43], мы начнем основную часть нашей статьи:

### **1. «Азиатская» одежда и оружие казаков-линейцев.**

В отношении мужской казачьей одежды (именно мужской, с женской одеждой такой полной трансформации не произошло) можно уверенно утверждать, что ничего «русского» на кавказском казаке не осталось – от макушки до пяток, от папахи до чевяк, все на нем было «кавказским».

Одно из наиболее ярких описаний «черкесскости» линейных казаков привел в своих «Воспоминаниях...» Григорий Иванович Филипсон:

«Линейные казаки пользовались вполне заслуженною славой удалства и храбрости. На конях горских пород, в красивом горском костюме, линейные казаки многое заняли от горцев: джигитовку, удалство и блестящую храбрость с театральным оттенком. Даже в манерах и в домашней жизни они многое переняли от своих исконных врагов.

Нужно признаться, что народная нравственность была у них очень нестрога; но вообще, как их хорошие, так и дурные качества, приводили в восторг офицеров, приезжавших на Кавказ из всех войск для участия в военных действиях.

Для них линейные казаки были постоянно окружены каким-то военно-поэтическим ореолом, и свои восторги они через год развозили по всей России вместе с черкесским костюмом и оружием...

Чистый черкесский костюм взят в образец для служебных мундиров Линейного казачьего войска и несколько изменен был в Черномории. Вообще как костюм и оружие, так седло и убранство лошади были красивы, удобны и приспособлены к климату и роду войны» [17, с.93,126].

Одной из главных причин, почему казаки-линейцы Кубани, в отличие от черноморских казаков, быстро и легко переняли «черкесский боевой

комплекс», был следующий факт – довольно долго их форменная одежда и вооружение никак не регламентировались законодательно.

У донских казаков, которые поселились на Кубанской Линии в 1790-х годах и образовали Кубанский линейный казачий полк, «лишь старики и служивые казаки долгое время носили обмундирование донского покроя, а молодежь стала обзаводиться одеждой и холодным оружием черкесского образца» [9, с.8].

То же самое можно было сказать о хопёрских и екатеринославских казаках, которые вместе с донцами образовали три самых «старых» линейных казачьих полка, поселенных на Кубанской Линии.

Доказательства тому – рапорты командиров Кубанского и Хопёрского полков периода 1810-х годов, которые описывают смешанный, «русско-черкесский» комплекс их вооружения – русские нарезные «винтовки», «флинты» и «стучера», традиционные для донских казаков «пики казачьи на древках», «шашки, преимущественно черкесские» или «переделочные шашки» – сабли, которые казаки «из русских клинков переделали на такой же манер», кавказские «пистолы и кинжалы» были лишь у некоторых казаков «по их личному желанию» [14, с.52-53] [20, с.16].

Первая попытка регламентации казачьей униформы на Кавказской Линии произошла в 1817 году, когда казакам двух конно-артиллерийских рот, распределенных в конные казачьи полки, присвоили чекмень с газырями, бешмет и шаровары «черкесского покроя», шапку и саблю «черкесского образца» [12, с.14-15].

В 1824-1831 годах, серией указов и распоряжений, линейным казакам официально приказали «строить форменное и партикулярное обмундирование черкесского покроя». Кроме того, у них отменили пики и ввели в обязательном порядке кавказские пистолеты и кинжалы.

Так, например, «форменная мундировка» казаков Кубанского полка «образца 1828 года» состояла из темно-синей черкески с белыми погонами,

бешмета из белой материи, «черкесской шапки» из черного курпья с белым верхом, чевяк с ноговицами «в хорошую погоду» и сапог «в дурную».

Оружие казаки «держали горское с нарезным стволом» (в официальных документах такие винтовки назвались «азиатское нарезное ружье»), плечевой патронташ с 20 патронами, шашка, кинжал и пистолет – все было «черкесского образца произвольной отделки» [7, с.198] [12, с.16-18].

Важное уточнение – свои официальные мундиры «азиатского покроя», которые в официальных документах назывались «чекмень» или «полукафтан», линейцы в походно-боевых условиях не носили. Они были парадным обмундированием, сшитым по образцам, присланным из Петербурга и заботливо спрятанным в сундуки [13, с.25-26]

Надевали их редко, по словам одного казачьего офицера «раз или два в год, не более», на парады и строевые смотры, связанные с визитами «на кордон» высокого начальства [13, с.26].

В повседневной, а точнее в военной походно-полевой жизни все было гораздо проще, скромнее, а главное – разнообразнее.

Из этого разнообразия можно выделить два типа черкесок:

– повседневные, «кордонные», военно-походные черкески – «чекмет цвета сухих листьев, как у черкесов» [7, с.198] – то есть различных оттенков желтого, коричневого, бурого и серого цветов;

– праздничные, более узкого покроя, чем повседневные; их шили из красной, белой, синей, зеленой, желтой или фиолетовой ткани, украшали галунами и серебряными с чернью газырями [12, с.19-23] [13, с.27-28].

Со временем, в 1830-1840-е годы, в нескольких казачьих полках, благодаря усилиям их командиров, удалось закрепить более или менее однообразную расцветку повседневной «кордонной» одежды.

Так, в Хопёрском полку допускались только коричневый и верблюжий цвета для повседневных черкесок, а командир Лабинского полка ротмистр Волков 30 апреля 1842 г. приказал своим казакам покупать черкески желтого цвета. Иной колер позволялся лишь при отсутствии желтых в продаже.

Черкески предписывалось иметь просторные, чтобы можно было надевать их на полушубки, и непременно с 12 газырями.

Требовалось также, чтобы казаки покупали азиатские черкески у горцев, а не у армян, у которых черкески были тесны и только с 10 газырями. За нарушение приказа виновные подвергались наказанию розгами или палками при сборах станичного общества [13, с.28].

Что касается бешметов, то, по свидетельству историка В. Г. Толстова, в 1831 году, даже при официальных строевых мундирах, они были «произвольного цвета». «Кордонные» бешметы шили из канауса, холста, полотна и бязи, а праздничные – из атласа, шелка, украшенные вышивкой и галунами [12, с.19] [13, с.29].

Та же ситуация была с «азиятскими» поясами, папахами, шароварами, ноговицами, чевяками, бурками, башлыками и полушубками «произвольного образца и достоинства» [12, с.24-25].

Важная особенность – линейные казаки внимательно, вслед за всеми горцами Кавказа, «следовали за переменами в кабардинской моде». Например, они постоянно меняли свою папаху «из меха ягненка то черного, то белого» цвета, «то большую, то низкой, то высокой формы» [7, с.198].

Одним из показателей, до какой степени линейные казаки «очеркесились», было заимствование ими различных горских военных уловок и хитростей, связанных с одеждой и воинским снаряжением.

Так, от черкесов, казаки заимствовали способ заполнять верхи своих папах вместо ваты шерстью или конским волосом – для лучшего предохранения головы от рубящих ударов. [13, с.25].

## **2. Особенности внешнего вида линейных казаков.**

Точно так же, как черкесский князь не отличался в бою от простого воина по своей одежде, так и казачьих офицеров было нельзя распознать среди своих подчиненных.

Своих орденов и медалей (как правило, исключение делалось только для Знака отличия Военного ордена Святого Георгия) на своих «кордонных»

черкесках ни офицеры, ни рядовые казаки не носили; никто из казаков не носил погонов, а казачьи офицеры не носили присвоенных им эполет [13, с.25].

Высокое начальство регулярно, особенно во время проведения инспекторских смотров, выражало неудовольствие по этому поводу.

Так, в 1827 году командующий войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани генерал Е.А. Еммануель с неудовлетворением отметил, что у казачьих офицеров без эполет и наград нет «никакой между ними зависти к заслугам других» [13, с.26].

Но со временем «голос разума» возобладал и казачьим офицерам эполеты «во время действий против неприятеля было дозволено не носить» [12, с.26-27], чтобы не подвергаться лишней опасности от метких черкесских выстрелов.

Такой же неприятной для начальства, но «очень кавказской» особенностью внешнего вида линейных казаков было массовое ношение бород. Данный обычай навлек на себя даже «монаршее неудовольствие» – император Николай I, во время своего посещения Кавказа в 1837 году, заметил командиру гребенских казаков, что «эполеты к бородам, и бороды к эполетам ужасно не идут» [13, с.27].

Поэтому в 1838 г. было «повелено всем казачьим офицерам и нижним чинам бороды брить и волосы на голове коротко подстригать». Но если многие казаки и так носили очень короткую стрижку или даже брили головы наголо, то запретом на ношение бород пренебрегали все – их продолжали отращивать даже молодые казаки.

В первую очередь это объяснялось тем, что подавляющее количество линейных казаков Кавказа были старообрядцами, которые свою неуступчивую позицию объясняли фразами типа «а то мать проклянет, да и жена не признает (т.е. не узнает)» или «в бороде честь, а усы и у таракана есть» [6, с.16] [13, с.28].

Что касается уже упомянутого бритья головы наголо, то на это шли обычно казаки-разведчики (по выражению казачьего офицера Аполлона

Шпаковского «линейные пластуны»), по роду своей службы, проводившие много времени в землях враждебных «немирных черкесов».

С такой же целью «полного растворения» в черкесской среде он красили свои бороды хной в ярко-рыжий цвет и в совершенстве знали несколько горских наречий [18].

Но подавляющее большинство казаков-линейцев носило короткую стрижку, потому что, как писал А.А. Бестужев-Марлинский, казаки «отличаются от горцев только небритой головой» [3, с.31]. Именно по волосам на голове и можно было распознать «своего» казака от «гололобого» «чужака» черкеса.

Один из примеров на эту тему. В начале 1852 года один раненый казак притворился мертвым и лежал в снегу, пока чеченцы «обирали трупы других убитых казаков». Он пролежал «до прихода драгун», вскочил на ноги и бросился к своим. Но «драгуны, принявшие его за чеченца...прицелились в него. Тогда он снял папаху, чтобы показать, что у него на голове волосы, и что он не чеченец. Не успел он опять надеть папаху, как чеченцы, увидев по волосам на голове, что это гяур...дали по нему залп. Он упал, но ни одна пуля не коснулась его; ему суждено было остаться в живых...» [8].

### **3. Горцы – законодатели казачьей «мужской моды».**

Как уже было сказано, современники не раз отмечали абсолютное сходство и идентичность костюма и оружия линейных казаков и кавказских горцев – «казак и горец Кавказа имеют один и тот же костюм и одно и то же оружие» [7, с.68].

Более того, как офицеры, так и казаки, переняли и своеобразную манеру кавказского мужского щегольства – все предметы их походного обмундирования, произвольные по цвету и покрою, в подражание горским джигитам, были потерты, изодраны (особенно рукава и полы черкески), небрежно зашиты разноцветными заплатками и зачастую даже грязны.

Но при таком оборванном, почти нищенском платье полагалось иметь великолепное, богато украшенное «оружие в серебре».



Носили казаки такую одежду «как бы небрежно», но в то же время с особой щеголеватостью, «одним известным образом, который дается не каждому и который сразу бросается в глаза казаку и горцу» [13, с.27-28].

Все это приводило к тому, что, по выражению А. П. Беляева, «отличить казака от горца незнающему было трудно» [2], хотя «знающие» все же справлялись с этой задачей.

Опишем два таких способа:

1. На близком расстоянии. «Вечерняя встреча в поле с конными людьми в мохнатых шапках...лица которых были укутаны башлыками, и у передового ружье вынуто из чехла, редко предвещало добро.

Сердце сжималось болезненно, когда в степи неожиданно появлялась шайка подобных ездоков; рука судорожно ложилась на курок ружья или пистолета, и тоску отводило только в счастливом случае, если удавалось разглядеть у них более сапогов чем чевяк: значит казаки, а не чеченцы и не закубанцы» [15, с.14-15].

2. На дальнем расстоянии. «Мы вдруг увидели вдалеке что-то быстро несущееся против нас; по пересеченной же местности мы не могли сначала рассмотреть, что это такое...когда же мы увидели человек шесть или восемь всадников, в черкесских папахах, с винтовками за спиной, то, признаюсь, несколько сконфузились, хотя и приготовили свои ружья.

Казак наш, так же, как и мы, признав их за черкесов, но не зная, мирные ли то были или хищники, внезапно пустился в сторону от дороги, что нам сначала могло показаться за бегство; но он, сделав полукружие, возвратился на дорогу.

Вслед за этим маневром увидели, что из той партии отделился также один всадник и, сделав такое же полукружие, возвратился; тогда только наш казак растолковал нам, что это был условный сигнал между нашими и мирными черкесами; если же с той стороны не повторится сигнал, то надо было готовиться к бою или пускаться наутек, когда силы были несоразмерны» [2].

К числу «незнающих» обычно относились местные крестьяне и заезжие путешественники по Кавказу, которые часто принимали приближающихся казаков за враждебных черкесов.

По этому поводу немецкий путешественник Мориц Вагнер писал в своих путевых записках, что «линейцы носят черкесский костюм: светло-коричневый кафтан с кожаным поясом вокруг талии и с цветными кармашками по обеим сторонам груди, в которых помещаются патроны, синие штаны и черкесскую меховую шапку» и поэтому «когда я только увидел, как по степи к нам скачут линейные казаки, у меня возникла мысль, что это набег черкесов с целью грабежа» [1, с.76].

Что касается же крестьян-однодворцев, то в 1828 году генерал А.А. Вельяминов приказал казакам не приближаться ближе, чем на полверсты к работающим в поле крестьянам, так как «...линейные казаки имеют одинаковую с горцами одежду, то крестьяне, не имея возможности различить неприятеля от казаков (и покорных правительству иноверцев), подвергаются грабежу и убийству» [13, с.29].

В заключение нашей статьи мы отметим, что линейных казаков, в процессе заимствования «всего кавказского», все же отличало чувство меры в отличие от приезжавших на Линию за чинами и наградами «петербургских фазанов». Офицер Черноморского войска М. И. Недбай (Недбаевский) в своих воспоминаниях привел немало рассказов о том, как они «были просто смешны в стремлении подражать и походить на черкесов, чеченцев и других кавказцев». Большинство «фазанов» носили обтрепанные рукава и подола черкесок или специально «сами их обтёпывали» (т.е. рвали и кромсали), «было шиком так показаться в Санкт-Петербурге в гостиных».

А наиболее ретивые «снимали с убитых черкесов, больных паршами, их папахи и носили, чтобы и себе привить парши и еще больше походить на черкеса». «Мой сослуживец В. Е. Чиков говорил, что у них на Линии (то есть на соседней Кубанской Линии – К.С.), когда кого хотели высмеять, кто очень

уже подражал в походке или обуви черкеску, то говорили: «Совсем был бы черкес, если бы срал просом» [4, л. 21,24-25].

### Использованная литература:

1. Moritz Wagner «Der Kaukasus und das Land der Kosaken: in den Jahren 1843 bis 1846». Band 2. Leipzig, 1850.
2. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб.: Издательство А.С. Суворина, 1882. Часть 1 // URL: [http://dugward.ru/library/belyaev/belyaev\\_vospom\\_dekabrista1.html](http://dugward.ru/library/belyaev/belyaev_vospom_dekabrista1.html) (дата обращения 27.06.16).
3. Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-бек // Кавказские повести / Составление, статья, комментарии Ф. З. Кануновой. СПб.: «Наука», 1995.
4. Воспоминания офицера Ейского полка Кубанского казачьего Войска Максима Ивановича Недбая (Недбаевского) // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.670. Оп.1. Д.67.
5. Гумилев Л.Н. От Руси до России // URL: <http://gumilev.narod.ru/p3ch04.htm> (дата обращения 16.06.16).
6. Жизнь и судьба кубанского казака и джигита Ф. И. Елисеева: по мотивам его воспоминаний / Сост. Н.А. Корсакова, М. В. Карпов, К. В. Скиба. Краснодар: Традиция, 2013.
7. Жиль Ф. А. Письма о Кавказе и Крыме / Составление и перевод с французского языка К. А. Мальбахова. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009.
8. Зимняя экспедиция 1852 г. в Чечне (Воспоминания очевидца) // Кавказский сборник Т.13. Тифлис, 1889. // URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Zimm\\_exp\\_1852\\_chechne/text2.htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Zimm_exp_1852_chechne/text2.htm) (дата обращения 24.06.16).
9. Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска. (1794-1894 гг.) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1897. Т.4. Паг. 13. С.1-28.
10. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Часть первая. Бэла // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 10-ти томах. Т.6. М.: «Вече», 2002. С. 204-226.
11. Нестеров Ф. Ф. Связь времен. Опыт исторической публицистики. М.: «Молодая гвардия», 1980.
12. Матвеев О.В. Форменная одежда казаков-линейцев Кубани. Практические опыты краеведения. Выпуск 4. Краснодар-Армавир, 1995.
13. Нечитайлов М.В. К вопросу о походно-повседневном обмундировании линейного казачества в период Кавказской войны (1817-1864 гг.) // III Минаевские чтения. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. С. 26-30.
14. Скиба К.В. К вопросу о вооружении казаков Хоперского, Кубанского линейных и донских казачьих полков, служивших на Кубанской Линии в начале XIX века // Из истории и культуры линейного казачества

Северного Кавказа: Материалы 4 международной Кубано-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2004. С.52-53.

15. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. 1835-1838. М.: «АИРО-XXI», 2000.

16. Фадеев Р. А. Письма с Кавказа. Письмо четырнадцатое // Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1889. С. 267-280.

17. Филипсон Г.И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М.: В университетской типографии на Страстном бульваре (М. Катков и К<sup>о</sup>), 1885.

18. Шпаковский А. Записки старого казака: О Кавказе // Военный сборник, № 7. СПб., 1870 // URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Spakovskij\\_A/text1.htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Spakovskij_A/text1.htm) (дата обращения 25.06.16).

19. Щербина Ф.А., Фелицын Е. Д. Кубанское казачество и его атаманы. М.: Вече, 2007.

20. Юдин П.Л. Кубанский полк при первом поселении // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 9. С.10-20.